

Каменская Е. В. Пограничный конфликт на о. Даманском 1969 г.: образ события в советской прессе и его восприятие населением // Документ. Архив. История. Современность : сб. науч. тр. Екатеринбург, 2017. Вып. 17. С. 354–370.

Колесникова А. Г. «Образ врага» в советской пропаганде периода «холодной войны»: от события к образу // Приволж. науч. вестн. 2011. № 3 (3). С. 30–35.

Правда. 1946–1953.

Самотовинский Д. В., Куренчанина О. В. Начало «холодной войны» и формирование образа внешнего врага в советской прессе (1945–1947 гг.) // Вестн. гум. фак. Иванов. гос. хим.-технол. ун-та. 2008. № 3. С. 322–325.

Смена : обществ.-полит. журн. 1946–1953.

Хомякова А. С., Лонина С. Л. Образ Юрия Алексеевича Гагарина в прессе СССР // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. Т. 2, № 7. С. 273.

УДК 94(438).083+94(47).084.9:327

Е. В. Каменская

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ в 1981 г.

(по страницам советской центральной и региональной прессы)

В статье рассматривается освещение в советской центральной и региональной печати введения военного положения в Польше в декабре 1981 г. — наивысшей фазы польского кризиса 1980–1981 гг. Основное внимание уделено выявлению ключевых способов подачи материала, основных тем и сюжетов, определению изменений в показе конфликтов внутри социалистического мира. Проводится сравнительное исследование центральных изданий, анализ публикаций региональных газет на примере прессы Свердловской области.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военное положение в Польше, польский кризис, советская пресса, региональная пресса, внешняя политика СССР.

Конфликт в Польше в 1980–1981 гг. и последующее введение в стране военного положения в декабре 1981 г. явились одним из самых сложных кризисов в социалистической системе в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Эти события стали предвестником не только трансформации политической системы в самой Польше, но и повлияли на ситуацию в других социалистических странах Восточной Европы. Событие подобного масштаба, происходящее в соседнем с СССР государстве социалистического лагеря, естественным образом стало причиной информационной кампании в советской печати, традиционно много внимания уделявшей внешнеполитическим проблемам и социалистическому содружеству.

Отметим, что введение военного положения в Польской Народной Республике в декабре 1981 г. и реакция на это событие руководства СССР и других социалистических стран анализировались в работах И. С. Яжборовской, А. С. Стыкалина, Н. И. Бухарина, А. С. Обьедкова и др. [см.: Бухарин; Обьедков, 2010, 2011; Польша в XX веке; Стыкалин, 2011, 2013; Яжборовская, 2010]. При этом данное событие в советской прессе центрального и регионального уровня комплексно не анализировалось.

Предлагаемая статья посвящена исследованию освещения в советской печати введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 г. В ходе работы был проведен фронтальный анализ изданий за ноябрь 1981 г. – январь 1982 г., обработке подверглись все публикации, в которых напрямую или косвенно рассматривались польские события. При изучении материалов прессы анализировались ключевые жанры и темы, использовавшиеся при освещении событий, полнота информационной кампании, специфика подачи материала. Параллельно проводилось сравнение информационного освещения польских событий 1981 г. с предшествующими информационными кампаниями в советской печати (в частности, освещение чехословацкого кризиса 1968 г., советско-китайского конфликта 1969 г.). Источниковой базой стали крупнейшие советские центральные издания («Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда», «Советская Россия», «Литературная газета»); региональные и городские издания Свердловской области («Уральский рабочий», «Красный боец», «Вечерний Свердловск», «Тагильский рабочий», «Под знаменем Ленина»).

Представим кратко развитие польского кризиса 1980–1981 гг. Экономические проблемы, обострившиеся летом 1980 г., стали причиной усиления социальной напряженности в стране. Под напором забастовочного движения польское руководство пошло на уступки: рабочие получили право организовывать независимые профсоюзы, проводить забастовки, получать полную информацию о состоянии экономики страны, при этом руководящая роль Польской объединенной рабочей партии и социалистическая модель развития не подвергались сомнению.

События в Польше и действия лидеров ПОРП, в частности Э. Герека, серьезно беспокоили советское руководство [см.: Яжборовская, Бухарин]. В сентябре 1980 г. первым секретарем ЦК ПОРП стал С. Каня, на которого возлагались надежды на социальную стабилизацию в стране. Но несмотря на смену главы партии, оппозиционное движение в Польше продолжало расширяться, росла популярность профсоюза «Солидарность», впоследствии ставшего символом всего польского кризиса начала 1980-х гг. Спустя год в польском руководстве снова произошли изменения. На этот

раз ставка была сделана на генерала В. Ярузельского, придерживающегося центристских позиций и имевшего авторитет в польском руководстве. В условиях расширения оппозиционных настроений, углубляющегося экономического кризиса, сложных отношений с Москвой новый лидер Польши в декабре 1981 г. принял решение ввести в стране военное положение. Руководители оппозиционных организаций, в том числе «Солидарности», были арестованы или интернированы, деятельность антиправительственных сил была сведена к минимуму.

Перейдем к рассмотрению информационной кампании, развернутой в советской центральной и региональной печати накануне введения военного положения в Польше. Во второй половине ноября – начале декабря 1981 г. в прессе постоянно увеличивалось количество статей о ситуации в ПНР. Если в ноябре несколько номеров газетных изданий подряд могли выйти без сообщений из Польши, то с первых чисел декабря сообщения из Польши, пусть часто и небольшого объема, присутствовали в каждом номере центральных общественно-политических газет. После 8 декабря 1981 г. это стало нормой и для региональной печати. По времени это совпадает с данными, с одной стороны, о принятии ЦК ПОРП решения о подготовке введения военного положения в стране (5 декабря 1981 г.), а с другой стороны, о выражении советским руководством решительного требования В. Ярузельскому навести порядок в стране: «Если вы не предпримите необходимых мер, будет поздно. А это уже вопрос всех нас» (7 декабря 1981 г.) [см.: Воронков, с. 120].

Отличительной особенностью информационной кампании вокруг ситуации в Польше была частая подача материала через выступления польских политиков разного уровня, представителей соцстран, зарубежных СМИ и т. д. Такие статьи занимали второе место по частоте появления на страницах газет после информационных сообщений, на них во многом строился показ событий. Данная тенденция проявилась еще в самом начале кризиса и сохранилась в кульминационный период конфликта. Особенно это было характерно для «Правды». Публикации выступлений шли фактически без комментариев издания. Печатные издания, а следовательно, и политическое руководство СССР уходило от собственных прямых оценок ситуации в соседней стране.

Источником подавляющего большинства подобных публикаций являлось ТАСС. При этом в разных изданиях тексты, описывающие одни и те же события, могли отличаться и по словарному составу, и по полноте содержания. Это касается и центральных, и региональных газет. К примеру, в «Вечернем Свердловске», газете не слишком политизированной

и ориентированной в основном на местные новости, информация ТАСС по Польше временами была полнее, чем в «Тагильском рабочем», весь советский период характеризующемся повышенным вниманием к внешне-политическим событиям [см.: Каменская, 2014, с. 112–114.].

Редакционные статьи, в том числе передовые, по польской проблеме отсутствовали. В ноябре 1981 г. главной международной темой был визит Л. И. Брежнева в ФРГ: подготовка к поездке, ее ход и реакция мировой общественности. Широко освещались инициативы Советского Союза по разоружению, обеспечению мира и безопасности, рост антивоенного движения в мире, агрессивный курс США и их союзников. Именно эти проблемы занимали основное место на страницах советской печати, в том числе выносились на передовицы.

При анализе газетных материалов обращает на себя внимание небольшое количество заметок, очерков, репортажей собственных корреспондентов изданий, публикаций политических обозревателей. За месяц до введения В. Ярузельским военного положения в «Известиях» было опубликовано всего две заметки собкора в Варшаве А. Друзенко и одна аналитическая статья [см.: Известия, 1981, 26 нояб., 7 дек.]. «Красная звезда» напечатала лишь одну аналитическую статью, «Труд» в рубрике «Репортаж из Варшавы» разместил одну заметку своего корреспондента Ю. Ершова и только 12 декабря 1981 г. [см.: Красная звезда, 1981, 8 дек.; Труд, 1981, 12 дек.].

В газетах полностью отсутствовали фотографии из Польши. Причем это касалось не только изображений, которые бы иллюстрировали сообщения о польском кризисе, но и фотографий каких-либо польских промышленных или сельскохозяйственных предприятий, личностей и т. д. В целом в этот период основу международного фоторяда в печати любого уровня составляли изображения митингов, демонстраций протеста и забастовок в капиталистических странах. К примеру, в «Уральском рабочем» в ноябре-декабре 1981 г. доля подобных фотографий составляла 68,2 % от числа всех фотографий о событиях за рубежом.

Традиционные для информационных кампаний 1960-х – начала 1970-х гг. обзоры писем советских граждан в газеты, отчеты с партийных собраний и прочие формы выражения общественного мнения редко фигурировали в ходе всего советско-польского конфликта. За месяц до введения военного положения в ПНР в «Правде» был напечатан лишь один обзор писем советских трудящихся по поводу событий в Польше под заголовком «Реакции – решительный отпор» [см.: Правда, 1981, 14 нояб.]. Высказать мнение о положении в ПНР объявлялось долгом и интерна-

циональной обязанностью советского гражданина. Среди авторов традиционно значились разные слои населения (молодежь, пенсионеры и т. д.). Подобный показ «мнения советской общественности» был в кампании конца 1981 – начала 1982 г. скорее исключением, чем правилом [относительно восприятия польского кризиса 1980–1981 гг. советским населением см.: Каменская, 2017]. Ни другие центральные газеты, ни региональные издания не использовали подобный жанр при освещении польских событий. В некоторых из них лишь появились упоминания об указанном выше обзоре писем «Правды» [см.: Вечерний Свердловск, 1981, 14 нояб.]. При этом в целом к такому типу публикаций, как отклики советских граждан, газеты обращались, к примеру, при показе переговоров СССР – ФРГ [см.: Урал. рабочий, 1981, 27 нояб.].

Устоявшейся практикой при освещении жизни социалистического мира были статьи о развитии экономических связей между СССР и соц-странами. Однако в условиях советско-польского конфликта в прессе почти отсутствовали публикации об активном экономическом сотрудничестве СССР и ПНР. К примеру, в редакционной статье «Труда» «Опыт братских стран», в которой описывался обмен опытом между СССР и социалистическими странами и связанные с ним проблемы, рассматривались совместные проекты с Болгарией, Венгрией, Чехословакией, ГДР, а Польша не была даже упомянута [см.: Труд, 1981, 29 нояб.].

Журналистами слабо использовалась тема совместной советско-польской борьбы с фашизмом. Однако полностью от нее газетные издания не отказались. В конце ноября – начале декабря 1981 г. отмечалось 40-летие битвы под Москвой. Кроме заметок, очерков, воспоминаний советских журналистов и ветеранов войны в печати публиковались статьи, письма зарубежных авторов. Среди них фигурировали и польские участники войны с Германией. К примеру, в «Труде» 6 декабря 1981 г. была напечатана короткая заметка А. Бурского, бывшего члена Варшавского штаба Гвардии Людовой, в которой подчеркивалось, что «разгром фашистов под Москвой вернул польскому народу веру и надежду» [Труд, 1981, 6 дек.]. Значение Советской армии в освобождении польской территории в годы Второй мировой войны упоминалось в речах В. Ярузельского [Тагил. рабочий, 1981, 8 дек.].

Закономерным являлось постоянное упоминание в прессе о внешнем влиянии на ситуацию в Польше. В ходе углубления кризиса все чаще звучали обвинения западных спецслужб в подрывной деятельности. ПНР показывалась как объект внимания НАТО: «никогда раньше Польша не имела такого значения [для НАТО] как сейчас» [Урал. рабочий, 1981,

18 нояб.]. Советские журналисты описывали расширение материальной поддержки польской оппозиции со стороны Запада: передачу денежных средств, пропагандистских материалов, современного полиграфического оборудования, радиотелевизионной аппаратуры [см.: Известия, 1981, 17 нояб., 4 дек.]. Необходимо отметить, что данные факты приводятся во всех исследованиях по польскому кризису 1980–1981 гг. Л. Валенса в интервью зарубежным СМИ на вопрос, чем может помочь ему западная общественность, называл именно указанные выше позиции.

Главным антагонистом стран социализма в ходе советско-польского конфликта, подстрекателем контрреволюционных событий в Польше позиционировались США. Образ в советской печати Западной Германии, являвшейся «врагом номер один» в информационных кампаниях конца 1960-х гг., стал гораздо привлекательнее. В это время между ФРГ и СССР происходил активный переговорный процесс, заключались договоры. Как следствие, в газетах подчеркивалась важность ФРГ как стратегического партнера СССР в Европе.

Советская пресса уделяла большое внимание деятельности польской оппозиции. Традиционно среди тех, кто стал проводником антисоциалистических и антисоветских идей в Польше, указывались представители интеллигенции, работники культуры и журналисты [см.: Труд, 1981, 17 нояб.]. При этом враги социализма в Польше были персонифицированы, их имена постоянно фигурировали в сообщениях. Из газеты в газету переходили заметки, в которых красочно описывалась их антисоциалистическая деятельность. Крайне отрицательные характеристики, даваемые прессой польским оппозиционерам, вбирали в себя многие привычные газетные клише и создавали устрашающий образ [см.: Лит. газ., 1981, 18 нояб.; Труд, 1981, 9, 13 дек.; Урал. рабочий, 1981, 10 дек.]. На фоне одинаковых сообщений и заметок ТАСС, перепечатываемых во всех центральных и региональных изданиях, выделялись статьи в «Литературной газете» (хотя их было немного). Так, в публикации «Вешатель» использовалась экспрессивная лексика, формирующая «дьявольский» образ лидеров «Солидарности». «Вакханалия», «сатанел», «паучья схватка» – подобные слова задавали тон в небольшой по объему заметке [Лит. газ., 1981, 18 нояб.]. В целом «Солидарность» стала олицетворять всех врагов социализма в Польше, выступающих с антисоветских позиций.

Одним из основных обвинений в адрес польской оппозиции на страницах советской печати было стремление к реставрации буржуазного прошлого. Острой критике подвергалось использование оппозиционными организациями различных символов и образов из «несоциалистического»

прошлого Польши. В частности, резкое отторжение вызывали воспоминания о «мудром национальном вожде Пилсудском», использование «Конфедерацией независимой Польши» символики армии Крайовой [см.: Известия, 1981, 26 нояб.; Труд, 1981, 11 дек.].

Имена друзей социализма в Польше, т. е. тех, кто стоял на просоветских позициях, пресса не обозначала. Указывалось лишь на притеснения противников «Солидарности», «моральный террор против членов ПОРП». Поддержка польского правительства населением показывалась обезличенно: «В заводских организациях ПОРП все решительнее звучит требование давать должный отпор зарвавшимся контрреволюционным политикам» [Известия, 1981, 7 дек.].

Советская пресса часто ссылалась на польские газеты. Необходимо отметить, что наиболее часто встречающимся изданием являлась «Жолнеж вольности» – военная газета Польши. Согласно воспоминаниям А. И. Грибова только эта газета в условиях польского кризиса «проводила верную линию», что спровоцировало решение увеличить ее тираж и распространять бесплатно [см.: Москва держала...]. Главная партийная газета страны «Трибуна люду» упоминалась реже. По данным А. И. Грибова, даже она находилась «под влиянием “Солидарности”» [Там же]. Можно предположить, что это и являлось причиной исчезновения «Трибуны люду» из свободной продажи в Советском Союзе весной 1981 г., как указывает в дневниковых записях И. А. Дедков [см.: Дедков, с. 328].

Согласно публикациям прессы ситуация в Польше постоянно ухудшалась, а в декабре 1981 г. стала катастрофической. В ежедневных сообщениях ТАСС, публиковавшихся в центральных и региональных изданиях, использовались одни и те же слова и словосочетания, становясь устойчивыми клише относительно ситуации в Польше. Так, характерным началом статей стало: «в последние дни обстановки в стране продолжает обостряться», государственные органы ПНР постоянно собирались для обсуждения «обостряющейся социально-политической обстановки» или «оценки социально-экономической обстановки... вследствие ее обострения» [Вечерний Свердловск, 1981, 9 дек.; Тагил. рабочий, 1981, 10, 12 дек.]. Газеты заявляли о новых фактах деятельности контрреволюционных организаций: захват СМИ, призыв рабочих к саботажу, провокации. Описывалось нарастание экономического кризиса в стране: проблемы в промышленности и сельском хозяйстве, рост социального недовольства и пр. Приводимые в печати данные во многом соответствовали действительности. Исследователи акцентируют внимание на усилении в этот период продовольственного кризиса в Польше. К примеру,

В. И. Воронков указывает, что в ноябре 1981 г. далеко не полностью отоваривались карточки, а «отличительной чертой польских магазинов стало наличие в свободной торговле одного только уксуса» [Воронков, с. 119]. Значительного размаха достигло забастовочное движение.

По публикациям прессы складывалась картина полной потери официальной властью контроля над ситуацией, развала политической системы. При этом в речах В. Ярузельского подчеркивалась решимость бороться с врагами («мы примем вызов»), постоянно присутствовали слова благодарности в адрес соцстран и особенно СССР, выражалась надежда на продолжение экономической поддержки («мы получаем и рассчитываем и на дальнейшую помощь друзей из соцстран») [см.: Красный боец, 1981, 6 дек.; Урал. рабочий, 1981, 5 дек.]. В отличие от чехословацких событий 1968 г. в прессе не встречалось указаний на раскол в рядах ПОРП, подчеркивалось единство ПОРП с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией [см.: Труд, 1981, 26 нояб.]. Р. Г. Пихоя указывает, что польское руководство в кризисный период сохраняло единство [см.: Пихоя, с. 407].

Газетные материалы предельно ясно показывали, что в конце ноября-декабре 1981 г. предел терпения советского руководства был почти достигнут. Если 18 ноября 1981 г. «Известия» писали, что «добрая воля [польских] властей и их готовность конструктивно сотрудничать не могут до бесконечности испытываться на прочность», то 4 декабря 1981 г. фразы стали жестче: «Хватит принимать постановления, пора переходить от слов к конкретным делам. Центральные власти должны быть решительны» [Известия, 1981, 18 нояб., 4 дек.]. Нарастание напряженности в образе советско-польского конфликта на страницах газет являлось адекватным отражением сложившейся политической ситуации.

В газетах без прямого упоминания понятия «военное положение» шла информация о необходимости и возможности применения самых жестких мер. Во-первых, освещались контакты польского и советского военного руководства. К примеру, 25 ноября в «Известиях» появилось краткое сообщение о встрече В. Ярузельского, который кроме поста главы ПОРП занимал и пост министра обороны ПНР, и В. Г. Куликова, главнокомандующего войсками ОВД [см.: Известия, 1981, 25 нояб.]. Во-вторых, в публикациях присутствовали слова польских руководителей с предупреждениями о том, что «следует быть готовыми к критическому ходу развития событий» [Урал. рабочий, 1981, 5 дек.]. В сообщениях о заседаниях различных властных органов ПНР присутствовали указания, что если в стране возникнет угроза национальной безопасности, то правительству

будут предоставлены те средства и полномочия, «которых потребует обстановка в стране» [Известия, 1981, 30 нояб.; Труд, 1981, 20 нояб.]. Таким образом, введение в Польше военного положения было для советских граждан весьма предсказуемо.

Перейдем к рассмотрению информационной кампании в советской печати после 13 декабря 1981 г. Заявление ТАСС о введении военного положения в Польше было опубликовано во всех центральных и крупнейших региональных газетах страны. Стоит отметить, что, к примеру, в «Советской России» в рассматриваемый период международные сообщения редко выносились на первую страницу, однако указанное Заявление было размещено именно на передовой, что подчеркивало его важность [см.: Совет. Россия, 1981, 15 дек.].

Объем, занимаемый польскими новостями в печати, резко увеличился. Ежедневные сообщения информировали о последних событиях в стране. В первые дни после введения военного положения в центральной печати от 1/2 до 2/3 страницы отводилось сообщениям из ПНР. Фотоиллюстраций, посвященных Польше, не появилось.

Основу составляли материалы ТАСС, в том числе речи польских политических деятелей. Большинство выступлений принадлежало В. Ярузельскому, который обосновывал необходимость введения чрезвычайной меры, а также ставил задачи перед страной по преодолению кризиса во всех сферах. Польский лидер обвинял не только «Солидарность» и антиправительственные организации в сложившихся в стране трудностях, но и вспоминал о неправильной политике своих предшественников, в частности Э. Герека, П. Ярошевича. При этом имена деятелей современной оппозиции, арестованных после введения военного положения, не назывались. Формулировки были очень размытые: «Изолирована также группа лиц, несущих ответственность за общественно-политический и экономический кризис в Польше» [Тагил. рабочий, 1981. 15 дек.].

Возросло число сообщений и заметок собственных корреспондентов изданий по польской проблеме. Так, «Советская Россия», которая в ноябре – начале декабря 1981 г. мало внимания уделяла происходящим в Польше событиям, публикуя лишь основные сообщения ТАСС, за вторую половину декабря 1981 г. напечатала три оригинальные статьи [см.: Совет. Россия, 1981, 17, 22, 27 дек.].

В печати редко показывали позицию социалистических государств. Выделялась только Чехословакия, которая весь период конфликта шла в фарватере советской политики и активно поддержала введение военного положения в Польше. Советские газеты регулярно цитировали

«Руде право» и Г. Гусака. «Известия» в декабре 1981 г. – первой декаде января 1982 г. разместили 7 откликов из Чехословакии на польские события. Вьетнам, Болгария и ГДР отметились тремя откликами. В противовес этому подробно рассматривалось отношение стран Запада к ситуации в Польше. Сообщения шли не только из привычных стран (США, ФРГ, Великобритания, Франция), но и из нечасто встречающихся ранее Австрии, Бельгии, Португалии, Турции. В обзорах зарубежной прессы по польской проблеме количество цитируемых «буржуазных» изданий в несколько раз превосходило социалистическую печать. При этом были представлены и печатные органы коммунистических и рабочих партий, и издания, далекие от просоветской позиции. Отклики из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, столь характерные для газет в 1960–1970-е гг., почти отсутствовали.

Сравнительный анализ центральных и региональных изданий СССР обнаруживает значительную однотипность освещения событий. На фоне одинаковых сообщений ТАСС, публикуемых каждый день, оригинальных материалов в изданиях было крайне мало. Названия статей также не отличались разнообразием: «К положению в Польше», «Положение в Польше» – эти заголовки являлись основой всех советских газет. Необходимо отметить, что в заголовках использовались слова, хорошо знакомые читателям по кампаниям предшествующих десятилетий: «контрреволюция», «авантюризм», «вмешательство», «нажим» (в статьях про влияние западных стран). Однако слово «социализм» и производные от него почти не встречались. К примеру, в «Известиях» за весь декабрь 1981 г. была напечатана только одна статья по польской проблеме под заголовком «Защита социализм» [см.: Известия, 1981, 24 дек.]. В «Труде», «Советской России», «Красной звезде» и других это слово в заголовках вообще не упоминалось. Несомненно, издания имели определенные отличия. Так, «Труд» делал акцент на показе материалов зарубежной прессы, в том числе польской. «Известия» активно размещали статьи своих собственных корреспондентов из разных капиталистических стран, показывая их отношение к ситуации в Польше и вокруг нее. В местной прессе материал собственного происхождения отсутствовал. Газеты Свердловской области в разном объеме перепечатывали информацию ТАСС, доступную в любом ежедневном центральном издании. Таким образом, региональный компонент, который был отчетливо виден при освещении конфликтов внутри социалистической системы в конце 1960-х гг., исчез.

Важнейшим элементом информационной кампании являлось доказательство непричастности Советского Союза к событиям в Польше,

дистанцирование от действий польского руководства. Упоминания о социалистическом интернационализме исчезли из газет. Из статьи в статью переходили фразы о том, что «все эти шаги, предпринятые в Польше, представляют собой, разумеется, ее внутреннее дело» [Известия, 1981, 15 дек.]. Параллельно в статьях выражалась полная поддержка действий польских властей, введение военного положения обозначалось единственно возможной мерой в создавшихся условиях. Генерал В. Ярузельский показывался как реально мыслящий политик, готовый жестко бороться с оппозицией и навести порядок в стране. При сопоставлении газетного образа и реальных событий можно сделать вывод, что советское руководство испытало определенное облегчение: военное положение, которое обсуждалось почти год, было, наконец, введено, оппозиция была либо арестована, либо лишена возможности действовать открыто. Р. Г. Пихоя приводит выдержки из телефонных разговоров Л. И. Брежнева и В. Ярузельского, последовавших за введением военного положения [см.: Пихоя, с. 411–412]. Слова советского лидера явно выражали удовлетворение решением польского руководства, конфликт пошел на спад. После 13 декабря 1981 г. акценты в прессе были серьезно смещены от освещения внутрипольских событий к полемике с западными странами, в особенности с США.

Наличие серьезных противоречий в рядах западных государств по польскому вопросу рассматривалось в обзорах средств массовой информации капиталистических стран. К примеру, со ссылкой на «Нью-Йорк таймс» отмечалось «отсутствие согласия по поводу реакции на положение [в Польше] между США и некоторыми их европейскими союзниками по НАТО» [Урал. рабочий, 1981, 16 дек.]. Словами телекомпании Си-Би-Эс говорилось о «в лучшем случае весьма прохладной» реакции в Западной Европе на американские санкции против ПНР [см.: Там же, 29 дек.]. Параллельно в печати традиционно подчеркивались разногласия, существующие среди европейских стран. В частности, акцентировалось внимание на проблемах стран Общего рынка: отсутствии единства среди их лидеров, росте безработицы, постоянных забастовках [см.: Под знаменем Ленина, 1982, 12, 20, 28 янв.; Урал. рабочий, 1981, 16 дек.]. Описывались факты критики действий руководства США самими американцами. К примеру, в «Известиях» было размещено письмо поляка, директора польско-американского союза против дискриминации, в котором выражалось несогласие с позицией Рейгана в польском вопросе: «мы, поляки, проживающие в США, возмущены вмешательством американских властей во внутренние дела нашей родины» [Известия, 1981, 17 дек.].

Многие западные страны не были заинтересованы в антисоветской экономической политике, поскольку торгово-экономические связи с СССР им были весьма выгодны. В свою очередь в условиях ведения войны в Афганистане и значительных трудностей в Польше Советский Союз старался наладить торговые отношения с Западом. Советская пресса отражала эту тенденцию. В центральной и региональной прессе подчеркивалось взаимовыгодное экономическое сотрудничество СССР со странами Запада, в частности с Францией, Австрией, ФРГ. В заметках говорилось о многочисленных долгосрочных контрактах, обмене специалистами [см.: Под знаменем Ленина, 1982, 5 янв.]. Параллельно в печати показывались кризисные явления в социально-экономической сфере США. Подробно анализировались неудачи президентства Р. Рейгана, причины провала «рейгономики», говорилось о свертывании социальных программ, притеснении по расовому признаку [см.: Вечерний Свердловск, 1981, 20, 25 нояб., 7 дек; Под знаменем Ленина, 1982, 6 янв.; Урал. рабочий, 1981, 29 дек.].

Пресса обращала внимание аудитории на то, с какой быстротой после введения военного положения происходила нормализация ситуации в Польше. Уже 15 декабря 1981 г. в информационной сводке «К положению в Польше» приводились слова представителя польского правительства: «в стране царит спокойствие, несравнимое с тем, что было в последние дни» [Известия, 1981, 15 дек.]. Каждый день газеты сообщали о сокращении забастовок, нормализации трудовой деятельности, положительных сдвигах в снабжении населения и т. д. Польша за неделю до введения военного положения и через неделю после этого события представляла собой на страницах советской печати две разные страны.

Показывая отношение польского населения к введению военного положения, газеты указывали, что подавляющее большинство восприняло введение чрезвычайных мер «как единственную возможность уберечь страну от катастрофы и восстановить законность» [Под знаменем Ленина, 1982, 5 янв.]. Согласно материалам прессы рабочие сами стали разгонять «Солидарность». Однако отдельные факты сопротивления действиям правительства упоминались. Собственные корреспонденты показывали, как польские граждане тепло относятся к своей армии, понимая, что военное положение и присутствие войск необходимо. Публиковались выдержки из писем поляков в газеты, в которых содержалась благодарность «воинам, исполнявшим свой долг» [Известия, 1982, 5 янв.]. С одной стороны, исследователи указывают, что население действительно восприняло положительно установление режима военного положения. С. Я. Лав-

ренов и И. М. Попов приводят примеры, когда рядовые граждане в холодную погоду несли солдатам и офицерам польской армии горячий чай и бутерброды [см.: Лавренов, Попов, с. 407].

С другой стороны, в работах встречаются и факты негативной реакции населения Польши на жесткую политику партии и правительства. В частности, Н. И. Бухарин указывает, что в связи с событиями 1980–1981 гг. в Польше резко ухудшилось отношение к советским людям и СССР в целом [см.: Бухарин, с. 106]. В воспоминаниях советского инженера, работавшего в Гданьске в период введения в Польше военного положения, указывалось: «Поляки, мои знакомые, избегают говорить, но только один-два одобряют введение военного положения. Остальные сожалеют, что, мол, “Солидарность” не стремилась к власти, короче, она хорошая» [Вычеров, с. 85]. Он также упоминает столкновения с милицией в Гданьске и других городах, использование слезоточивого газа для разгона митингов [см.: Там же]. Рассматривая литературную жизнь Польши в условиях политического и социально-экономического кризиса, В. А. Хорев подчеркивает, что введение военного положения в стране не остановило, а даже усилило деятельность подпольных издательств, вызвало творческий всплеск среди писателей, отвергавших официальные ценности и коммунистическую идеологию [см.: Хорев, с. 75–76].

Мнение советской общественности по поводу событий в Польше отражалось в прессе скупно и опосредованно. В заявлении ТАСС указывалось: «Советский народ желает польскому народу успешно решить стоящие перед страной задачи» [Труд, 1981, 15 дек.]. Ни отчетов с партийных собраний, посвященных польскому кризису, ни писем рядовых граждан по данной проблеме газеты не публиковали.

Таким образом, анализ газетной периодики позволил выделить следующие характерные черты освещения введения военного положения в Польше в 1981 г. Для информационной кампании не было характерно разнообразие жанров, почти полностью отсутствовали фотоиллюстрации. Основной формой подачи польского материала были информационные сообщения, в основном содержащие выступления польских политиков. Заголовки были однотипными. Центральные издания печатали одинаковый материал, редко прибегая к оригинальной информации своих собкоров. Региональная пресса перепечатывала материалы ТАСС, что обезличивало статьи, касающиеся ситуации в Польше. Фактически, кроме объема, отдаваемого под внешнеполитические материалы, разницы между изданиями Свердловской области не имелось. Это было серьезным отличием от информационных кампаний конца 1960-х – начала

1970-х гг., когда региональная пресса «имела свое лицо», подавала внешнеполитический материал с учетом местной специфики.

Введение военного положения руководством ПНР, согласно материалам советской прессы, являлось эффективным способом стабилизации ситуации в стране, быстро разрешило конфликт и позволило перейти к восстановлению экономики. В публикациях важнейшим элементом проблемы выступала внешняя угроза со стороны стран Запада, в особенности США. Внешний фактор объявлялся одной из причин введения военного положения.

В ходе информационного освещения введения военного положения в Польше газеты постоянно обращались к опыту конца 1960-х – начала 1970-х гг. В текстах и в заголовках статей звучала схожая лексика, происходило обсуждение аналогичных тем, обыгрывались знакомые сюжеты. Однако исходя из данных, приводимых исследователями и содержащимися в архивных документах, политическая атмосфера внутри советского руководства существенно отличалась от ситуации 1968 г. Идею вооруженного разрешения кризиса поддерживали немногие. Для Ю. В. Андропова, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова и других крупнейших советских руководителей вариант вооруженной интервенции являлся неприемлемым. В этих условиях использование при освещении польских событий схожих с 1968 г. доктринальных установок следует воспринимать скорее как имитацию, а не как их реальное отражение.

Бухарин Н. И. Отношения между Советским Союзом и Польской Народной Республикой (1944–1989 гг.) // *Вопр. истории.* 2007. № 10. С. 100–110.

Воронков В. И. События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади // *Вопр. истории.* 1995. № 10. С. 92–121.

Вычеров В. В. Польский дневник. 1981–1983 (Фрагменты) // *Славяноведение.* 2001. № 5. С. 82–107.

Дедков И. А. Дневник. 1953–1994. М., 2005.

Каменская Е. В. Международная информация в советской провинциальной газете: опыт «Тагильского рабочего» // VII Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. В. В. Меншиков, Д. Н. Маслюженко. Курган, 2014. С. 112–114.

Каменская Е. В. Польский кризис 1980–1981 гг. в восприятии советских граждан: (на материалах Урала) // *Внешнеполитические интересы России: история и современность* : сб. материалов IV Поволжского науч. конгр. / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара, 2017.

Лавренов С. Я., Попов И. М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005.

Москва держала свои войска наготове, если за «Солидарность» вступится НАТО // Солидарность. 2005. № 28 [Электронный ресурс]. URL: http://www.solidarnost.org/thems/uroki-istorii/uroki-istorii_2057.html (дата обращения: 02.03.2014).

Объедков А. С. Военное положение в Польской Народной Республике: отражение кризиса «социалистического содружества» в социально-политической сфере СССР // Вестн. СамГУ. 2010. № 5. С. 87–91.

Объедков А. С. Польские события 1980–1981 гг.: влияние «кризиса социализма» на советское руководство // Изв. Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 3–1. С. 190–193.

Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М., 1998.

Польша в XX веке : Очерки политической истории. М., 2012.

Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 гг. и ситуация в Румынии // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8–2. С. 5–18.

Стыкалин А. С. Польский кризис 1980–1981 годов и позиция руководства Венгрии. Опыт событий 1956 года в 25-летней ретроспективе // Славяноведение. 2011. № 5. С. 52–67.

Хорев В. А. Литература и политическая борьба в Польше (1980–1981) // Славяноведение. 2011. № 5. С. 68–81.

Яжборовская И. С. Введение военного положения в Польше. Позиция советского руководства (1980–1981 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 120–142.

Яжборовская И. С., Бухарин Н. И. Эдвард Герек: от курса на социальную справедливость к экономическому кризису // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 164–186.

Правда. 1981.

Известия. 1981–1982.

Труд. 1981.

Красная звезда. 1981.

Совет. Россия. 1981.

Лит. газ. 1981.

Урал. рабочий. 1981.

Красный боец. 1981.

Вечерний Свердловск. 1981.

Тагил. рабочий. 1981.

Под знаменем Ленина. 1981–1982.